

Варфоломеева И. В., Кулёмина К. В.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ И ЕГО СТРУКТУРА: ДИСКУРС

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/10.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. II. С. 26-27. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ле': картофелище, картофлянище, картофельник; второй ЛСВ, имеющий значение 'клубни', мотивирует субстантивы со значением блюдо из 'картофеля': картовник, картовница, картофляник, картофлянишник.

Анализ полисемантов, мотивированных существительными ТГ «овощи», показывает, что:

1. ЛСВ полисеманта могут быть мотивированы как одним ЛСВ производящего имени, так и разными ЛСВ.

2. Ведущую роль в развитии семантических структур полисемантов, образованных от существительных данной ТГ, играет межсловная деривация. От ЛСВ, обозначающих растение целиком, производные субстантивы образуются преимущественно в характеризующем аспекте (межсловная метафора): морковник, свекольник - 'сорняки', реже - в функциональном (межсловная метонимия): картофелище, картофельник, щавельник - 'поле, где растет то, что названо мотивирующим существительным'. От ЛСВ, обозначающих плоды, производные субстантивы образуются в функциональном аспекте (межсловная метонимия); морковь, свекла, горох, капуста, картофель (плоды, овощи) → морковник, свекольник, горошница, капустник, картофляник ('блюдо из ...').

3. Внутрисловная деривация отмечается у производных, построенных по модификационным словообразовательным моделям, и является следствием отражения мотивационных отношений производящего. Ср.: горох₁ → горошек₁ 'уменьш.к горох₁', горох₂ → горошек₂ 'мелкие клубни картошки', горох₃ → горошек₃ 'узор на ткани'. Внутрисловная деривация сопровождается межсловной.

4. Эмпирические наблюдения свидетельствуют о том, что словообразовательный акт, в ходе которого устанавливается связь между предметом мысли и языковым знаком, является когнитивным актом, раскрывающим механизмы взаимодействия жизни и языка. Причем это не пассивная объективация внешнего мира, а сознательное и целенаправленное словотворчество, дающее систему ориентиров в предметном мире. Именно этим объясняется факт словообразовательной избирательности: в языке семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет практическую и познавательную ценность в повседневной жизни народа.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АКТ И ЕГО СТРУКТУРА: ДИСКУРС

Варфоломеева И. В., Кулёмина К. В.

Астраханский государственный технический университет

Как известно, любой процесс, так или иначе, поддается сегментации. Не является исключением и коммуникация, позволяющая проводить внутри себя определенное разграничение. Таким фрагментом общения, сегментом коммуникации может быть признан *коммуникативный акт (КА)*.

В современной лингвистике термин «коммуникативный акт» понимается довольно широко: от обмена текстами, произнесенными устно или представленными в письменной форме в принятой языковой системе, до ролевой ситуации, в которой роли регламентированы социальной и национально-культурной средой, регулирующей с помощью языковых и неязыковых стереотипов иерархию мотивов и личностных смыслов коммуникантов.

Представляется также необходимым следующее уточнение: коммуникативный акт и речевой акт - разные явления. Не останавливаясь подробно на теории речевых актов (Дж. Остин (J. L. Austin), Дж. Серль (J. R. Searle), Дж. Барвайс (J. Barwise), Дж. Перри (J. Perry), Н. Фоушн (N. Fotion), Е. В. Падучева, Н. Д. Арутюнова, Е. Э. Разлогова и др.) отметим лишь, что она рассматривает прежде всего отдельные речевые действия (слово «акт» в названии этой теории является, на наш взгляд, калькой с английского языка, в котором «act» значит «действие»). Речевой акт понимается как некое коммуникативное *действие*, структурная единица языковой коммуникации, дискретно выделяемый *такт*, *квант* дискурса. Мы же, вслед за В. В. Красных [Красных 200: 194] имеем в виду более крупный фрагмент коммуникации. Ядром такого фрагмента является текст, который может быть представлен монологом, диалогом или полилогом. Таким образом, теория речевых актов применима в данном случае в достаточно ограниченном виде (лишь при рассмотрении отдельных речевых действий, которые входят в анализируемый текст).

Коммуникативный акт - это реальная и в то же время условная единица. Парадокс обусловлен тем, что, с одной стороны, коммуникация, являясь процессом, обладает таким свойством, как членимость, но с другой - границы такой единицы подвижны, несколько размыты и субъективны. Каждый **КА** имеет два «плана», две составляющих: *ситуацию* и *дискурс*, представляющие собой две стороны одной медали.

Ситуацией является фрагмент объективно существующей реальности, частью которой может быть и вербальный акт.

Что касается *дискурса*, то в лингвистике трактовка этого понятия менялась вместе со сменой общей парадигмы лингвистического знания, а также вследствие изменения подходов к исследованию устной и письменной коммуникации и ее результатов в различных школах и направлениях, представляющих эту парадигму. Так, если в 60-70-е гг. XX столетия *дискурс* понимался как связанная последовательность предложений или речевых актов, то с позиций современных подходов *дискурс* рассматривается «как сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров 1989: 8]. Интересен тот факт, что, как отмечает ряд исследователей, термин «*дискурс*» в русской лингвистике употреблялся перво-

начально в 1970-х гг. такими лингвистами, как В. В. Виноградов, Г. О. Винокур и др. в значении, близком термину «функциональный стиль» [Степанов 1981; Кубрякова 2000].

Как указывает Е. С. Кубрякова, в современной лингвистике дальнейшее обогащение понятия *дискурса*, особенно в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, происходит вследствие его включения в категориальный аппарат различных лингвистических парадигм (антропологической парадигмы, когнитивно-социальной психологии, функциональных парадигм и т.д.) [Кубрякова 2000: 11-16].

Н. Д. Арутюнова определяет *дискурс* (от франц. *discourse* - речь) как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). *Дискурс* - это речь, «погруженная в жизнь». Поэтому термин «*дискурс*» в отличие от термина «текст» не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой жизнью не восстанавливаются непосредственно» [БЭС 2000: 136-137].

Дискурс определяется также как языковое выражение общественной практики в ее различных коммуникативных сферах, как упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит особая - социально-, идеологически-, культурно-, исторически обусловленная ментальность [Чернявская 2002: 230].

Однако, несмотря на то, что «в настоящее время вряд ли можно говорить о существовании общепринятого определения *дискурса*» [Кубрякова 2000: 9], его, вероятнее всего, следует понимать как особое коммуникативное событие, «сложное единство языковой формы, знаний и действий» [ван Дейк 1989: 121-122].

В данной статье мы, вслед за В. В. Красных, понимаем *дискурс* как вербализованную речемыслительную деятельность, включающую в себя не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты [Красных 2001: 194].

Выделяется четыре компонента и, следовательно, четыре аспекта каждого коммуникативного акта:

1) экстралингвистический аспект, *конситуация* - объективно существующая собственно экстралингвистическая ситуация общения; условия (в самом широком смысле) общения и его участники (т.е. кто, что, где, когда);

2) семантический аспект; *контекст* - имплицитно или эксплицитно выраженные смыслы, реально существующие, являющиеся частью ситуации, отражающиеся в дискурсе и актуальные для данного коммуникативного акта;

3) когнитивный аспект; *пресуппозиция* - зона пересечения индивидуальных когнитивных пространств коммуникантов, включая и представления коммуникантов о конситуации;

4) (собственно) лингвистический аспект; *речь* - продукт непосредственного речепроизводства, то, что продуцируют коммуниканты [Красных 2001: 194-195].

Таким образом, *коммуникативный акт* является основной единицей коммуникации, функционально цельным ее фрагментом. Каждый **КА** обладает двумя составляющими (*ситуация* и *дискурс*) и четырьмя компонентами (*конситуация*, *контекст*, *пресуппозиция*, *речь*).

Дискурс же понимается как вербализованная речемыслительная деятельность, которая предстает в качестве совокупности процесса и результата и обладает как собственно лингвистическим, так и экстралингвистическим планами.

Список использованной литературы

1. **Большой энциклопедический словарь. Языкознание** / Гл. ред. В. Н. Ярцева. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. - 2-е изд. - 688 с.
2. **Дейк ван Т. А.** Язык. Познание. Коммуникация. - М.: Прогресс, 1989. - 312 с.
3. **Караулов Ю. Н., Петров В. В.** От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Вступ. ст. - М.: Прогресс, 1989. - С. 5-11.
4. **Красных В. В.** Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. - 270 с.
5. **Кубрякова Е. С.** О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. - М.: ИНИОН РАН, 2000. - С. 7-25.
6. **Степанов Ю. С.** В поисках прагматики (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. - М., 1981. - Т. 40. - № 4. - С. 325-332.
7. **Чернявская В. Е.** От анализа текста к анализу дискурса // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования: Сб. научн. трудов. - Рязань: Рязан. гос. пед. ун-т, 2002. - С. 230-232.